

ОБЩЕСТВО. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 316.4
DOI 10.20339/AM.06-26.093

О.В. Зуева,
канд. социол. наук, доцент
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
факультета подготовки следователей
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва
<https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>
e-mail: olgazueva-l@yandex.ru

КРИЗИС ДОВЕРИЯ К ПОЛИЦИИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕГАТИВНЫХ АРХЕТИПОВ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена анализу исторических и социокультурных детерминант кризиса доверия к полиции в современной России с акцентом на молодежную среду как наиболее рецептивную к культурным нарративам. На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего методологию исторической социологии и дискурс-анализа, исследуется гипотеза о том, что устойчиво низкий уровень доверия исторически детерминирован тремя взаимосвязанными факторами: системным подчинением полиции интересам государственной власти в ущерб защите прав граждан; укоренением в массовом сознании трех ключевых негативных архетипов правоохранителя (взяточник, бюрократ, каратель) через классическую литературу; и их системным воспроизводством через современный школьный литературный канон.

В результате исследования выявлена циклическая историческая модель, при которой институт правопорядка последовательно воспроизводит функцию защиты государства от общества. Качественный контент-анализ литературных текстов, входящих в школьную программу, подтвердил роль литературы как ключевого агента конструирования и трансляции негативной социальной памяти.

На основании выводов сформулированы стратегические рекомендации для преодоления кризиса, включающие реформу образовательного дискурса, развитие гражданского образования, политики открытости со стороны полиции, а также формирование позитивного медийного образа через создание документальных и художественных проектов, демонстрирующих полицию, служащую народу.

Ключевые слова: доверие к полиции, социальная память, молодежь, архетипы, литература, образование.

THE CRISIS OF TRUST IN THE POLICE IN RUSSIA: A HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MECHANISMS OF REPRODUCTION OF NEGATIVE ARCHETYPES IN THE SOCIAL MEMORY OF YOUTH

Olga V. Zueva, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines at the Faculty of Investigative Training, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>, e-mail: olgazueva-l@yandex.ru

The article analyzes the historical and socio-cultural determinants of the crisis of trust in the police in modern Russia, with an emphasis on the youth environment as the most receptive to cultural narratives. Based on an interdisciplinary approach integrating the methodology of historical sociology and discourse analysis, the hypothesis is explored that the persistently low level of trust is historically determined by three interrelated factors: the systemic subordination of the police to the interests of state power to the detriment of the protection of citizens' rights.; the rooting in the mass consciousness of three key negative archetypes of a law enforcement officer (bribe taker, bureaucrat, punisher) through classical literature; and their systematic reproduction through the modern school literary canon. The study revealed a cyclical historical model in which the institution of law and order consistently reproduces the function of protecting the state from society. Qualitative content analysis of literary texts included in the school curriculum has confirmed the role of literature as a key agent in constructing and broadcasting negative social memory. Based on the conclusions, strategic recommendations have been formulated to overcome the crisis, including the reform of educational discourse, the development of a civic education policy of openness on the part of the police, as well as the formation of a positive media image through the creation of documentary and artistic projects demonstrating the police serving the people.

Keywords: trust in the police, social memory, youth, archetypes, literature, education

Введение

Проблема доверия граждан к правоохранительным органам является ключевым индикатором легитимности государства и социального благополучия. В современной России, несмотря на последовательные реформы МВД, направленные на гуманизацию и повышение открытости полиции, уровень общественного доверия остается невысоким, особенно в молодежной среде. Доверие граждан к полиции является сложным социально-психологическим феноменом, формирующимся под влиянием не только текущей деятельности правоохранительных органов, но и глубинных историко-культурных паттернов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью деконструкции устоявшихся социокультурных механизмов, которые препятствуют позитивной рецепции реформ молодым поколением. Исторический анализ позволяет выявить устойчивые механизмы, которые продолжают определять отношение общества к полиции, особенно в сознании молодежи, чье восприятие во многом формируется через систему образования и культурные нарративы. Понимание этих механизмов позволит разработать более эффективные стратегии коммуникации и патриотического воспитания, направленные на преодоление исторически обусловленного кризиса доверия.

Гипотеза исследования. Формирование доверия к полиции в России исторически детерминировано тремя взаимосвязанными факторами:

- ◆ подчинением полиции интересам государственной власти в ущерб защите граждан;
- ◆ укоренением в массовом сознании негативных архетипов полицейского через литературу XVIII–XX вв.;
- ◆ воспроизводством данных стереотипов в современной школьной программе, что препятствует преодолению исторического кризиса доверия даже в условиях реформ.

Методологическая основа исследования. Работа построена на принципах междисциплинарного подхода на стыке исторической социологии, социологии культуры и дискурс-анализа. Теоретической основой выступила интерпретированная в социально-конструкционистском ключе концепция архетипов К.Г. Юнга [1], применяемая для анализа устойчивых социальных образов-схем, кристаллизирующихся в коллективном сознании.

Для верификации гипотезы был применен комплекс качественных методов. Историко-сравнительный анализ использован для реконструкции паттернов взаимоотношений между государством, институтом полиции (милиции) и обществом в три ключевых периода: имперский, советский и постсоветский. Это позволило выявить устойчивую

историческую тенденцию – приоритет функции защиты государства над защитой прав гражданина.

Целью контент-анализа и дискурс-анализа художественных текстов, входящих в обязательную школьную программу по литературе, была идентификация, категоризация и интерпретация репрезентаций образа правоохранителя. На основе анализа выделены три ключевых негативных архетипа.

Историческая цикличность: приоритет власти над обществом

Историческая траектория развития института полиции в России демонстрирует устойчивую модель, при которой ее основной функцией была и остается защита государственного строя и вертикали власти, а не прав и свобод отдельного гражданина. Эта модель, сформулированная еще в имперский период, прошла через советскую эпоху и в значительной степени унаследована современной российской полицией.

Как отмечают историки права А. Борисов, А. Малыгин и Р. Мулукаев, Петр I, создав полицию как социальный институт (1718), видел в ней инструмент государственного принуждения и модернизации общества. Российская полиция была «опорой трона», инструментом реализации воли монарха на местах [2]. Отношение общества к полиции было двойственным, сотканным из противоречий. С одной стороны, полиция воспринималась как неизбежный атрибут городской жизни, наводящий порядок в хаосе улиц. С другой стороны, ее репрессивные функции и зависимость от государственного принуждения вызывали страх и недоверие. Власть сама признавала, что «служащие полиции не безупречны морально» [3].

В эпоху правления Павла I (1796–1801) полиция получила еще больше прав, включая возможность применять наказания без суда во имя борьбы с преступностью. Ее вмешательство в частную жизнь, пристальный надзор за «добросовестным отношением гражданских чиновников к своим обязанностям» вызывали недовольство среди граждан, о чем свидетельствуют современники тех лет [4]. Усиление репрессий – превентивные аресты, телесные наказания, незаконные обыски – вызвало рост социального недовольства. Отсутствие независимого суда делало простого человека совершенно беззащитным перед произволом власти.

Ключевым для формирования общественного восприятия стало создание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826) при Николае I, превратившего полицию во всепроникающий инструмент политического сыска. Институт окончательно утвердился в роли проводника государственного контроля, а не защиты.

Эпоха либеральных реформ Александра II объективно повысила роль полиции, но одновременно обнажила ее системные дисфункции. Судебная реформа 1864 г., создав контрастный образ независимого суда, резко актуализировала проблему профессиональной некомпетентности и правового нигилизма полиции. Участие в подавлении крестьянских волнений после 1861 г. и особенно события 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») стали точкой бифуркации, после которой полиция в массовом сознании утвердилась не просто как репрессивный, а как кровавый инструмент власти. Доверие было утрачено безвозвратно.

Советская милиция, созданная на обломках царской полиции, унаследовала и гипертрофировала модель служения государству в ущерб гражданам. Ее становление в условиях Гражданской войны сопровождалось произволом, бандитизмом под ее видом и глубоким недоверием населения, видевшего в ней лишь новую, часто более жестокую версию старой власти [5].

НЭП способствовал медленному восстановлению доверия на фоне либерализации жизни. Однако с началом коллективизации роль милиции радикально изменилась. Она превратилась в ключевой инструмент выполнения политических задач (раскулачивание, депортации, контроль через паспортную систему). После подчинения НКВД институт подвергся жестким чисткам, а недоверие к нему трансформировалось в повсеместный страх. Милиция стала восприниматься как непосредственный исполнитель репрессивной политики, обращение к ней за защитой – бесполезным и рискованным. Власть относилась к милиции с прагматичным подозрением, используя ее для поддержания порядка, но главным образом – для массовых репрессий, одновременно создавая пропагандистский миф о «народной милиции». Таким образом, к концу 1930-х доверие было окончательно замещено страхом. Даже героизм в годы Великой Отечественной войны не смог переломить этот образ, который лишь укрепился из-за участия в депортациях, росте коррупции и падении профессионального уровня.

В послевоенный период, особенно во время «оттепели», милиция стала реже использоваться для массовых политических репрессий. Меры по улучшению материального обеспечения, борьбе с коррупцией и созданию позитивного культурного образа в эпоху Н.А. Щёлокова (1966–1982) были призваны повысить доверие. Однако беспрецедентный рост коррупции внутри МВД СССР, сращивание с теневой экономикой и показной характер пропаганды привели к тому, что доверие населения осталось поверхностным и непрочным, что наглядно продемонстрировали громкие уголовные дела эпохи [6].

В 1990-е годы институт пережил обвал легитимности. Как пишет А.В. Шубин, «образ милиционера с дубинкой, разгоняющего безоружных людей, стал одним из символов краха легитимности власти» [7. С. 247]. По данным ВЦИОМ, в 1993 г. только 14% опрошенных доверяли милиции, в то время как не доверяли 59% [8]. Левада-Центр¹ фиксировал, что милиция входит в тройку наименее уважаемых институтов (наряду с Госдумой и правительством) [9. С. 215]. Социолог О.Н. Яницкий констатировал: «Милиция... оказалась не в состоянии выполнять свои прямые функции в условиях криминальной революции» [10. С. 98]. «Рыночные» отношения проникли в МВД России. Широко распространились практики поборов («оборотни в погонах»), сращивания с криминальными структурами. Как отмечал исследователь В.В. Лунеев: «Коррупция в милиции приобрела тотальный характер, став одним из главных источников ее финансирования» [11. С. 344]. Кроме того, нищенское финансирование, устаревшая техника, падение профессионального уровня и морального духа личного состава милиции еще больше подрывали доверие к институту.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что доминирующим фактором, исторически детерминирующим отношения между обществом и полицией, является ее системная функция как защитника государственного интереса, часто противоположного интересу индивидуальному. Этот опыт, интериоризованный коллективным сознанием, сформировал устойчивую социальную установку: «Полиция – это не защитник, а представитель власти». Эта установка – прямое следствие описанной цикличности, при которой форма института (полиция, милиция, снова полиция) менялась, но его сущностная функция – защита государства от общества – оставалась неизменной.

Литература как инструмент конструирования негативных архетипов

С точки зрения социологии, литература выступает ключевым агентом формирования коллективных представлений и социальной памяти. В контексте исследуемой проблематики русская литература XVIII–XX вв. сыграла определяющую роль в закреплении в массовом сознании негативного архетипа полицейского, который продолжает транслироваться, в том числе и через школьную программу. Теоретической основой исследования служит учение К.Г. Юнга, который понимал под архетипами универсальные, врожденные психические структуры, первичные образы (например, Тень, Маска, Мудрец), составляющие содержание коллективного бессознательного [1]. В более широком, культурологическом смысле, который используется

¹ Признан иностранным агентом.

в данном исследовании, архетип трактуется как глубинный, повторяющийся образ-схема, обладающий высокой символической емкостью и эмоциональной заряженностью. В данном случае речь идет о социальных архетипах – устойчивых образах социальных институтов и их представителей, кристаллизующихся в общественном сознании.

Контент-анализ литературных текстов и их социологическая интерпретация позволили выделить ключевые архетипы образа полицейского (взяточник, бюрократ, каратель), их символические функции и эволюцию от эпохи Просвещенного абсолютизма до постсоветского периода. Литература, обладая мощным символическим капиталом, не просто пассивно отражала реальность, но и активно конструировала ее, закрепляя в коллективном сознании определенные образы. В условиях цензурных ограничений она взяла на себя функцию компенсаторного механизма, став главной площадкой для критики государственных институтов, в первую очередь – полиции.

Анализ литературы XVIII – начала XX в. позволяет выделить три ключевых негативных архетипа, которые станут доминирующими в восприятии полиции.

1. Архетип «Полицейский как взяточник и коррупционер». Этот образ формируется уже в эпоху Екатерины II. В комедии «О, время!» (1772) сама императрица, используя сатиру как инструмент «безопасной» критики, выводит на сцену полицейских служащих как «грубых, невежественных и падких на взятки субъектов». Однако подлинную силу этот архетип приобретает в произведениях Д.И. Фонвизина. В «Недоросле» учителя Кутейкин и Цыфиркин воспринимают взятку судьей как абсолютно естественную практику, демонстрируя укорененность мздоимства во всех слоях общества [12]. В «Бригадире» советник гордится своим «искусством» драть взятки: «Да я на этом стуле, что ныне сижу, сижу уж десять лет... И, признаться, греха таить нечего, брал, потому что брали и прежде меня, да и брать же так, как я брал, умеют не многие... Я, сударь, беру без стыда. Я всем открыто говорю: любите меня, дарите меня, кто чем может... Я взятки не беру, я беру подарки...» [13]. Этот монолог – классическое воплощение самооправдания, показывающее, что коррупция воспринимается чиновниками не как порок, а как норма и даже предмет гордости. В XIX в. Н.В. Гоголь в «Ревизоре» доводит этот архетип до гротеска, показывая, что взятки – это основа экономики полицейского управления, без которой институт не может существовать: «Купечество да гражданство меня смущает... вопят, что я им солоно пришелся... А попробуй не взять, так, право, не хватит даже на нитки на мундир... да и взятки... что борзыми щенками. Это уж так самим богом устроено...» (Действие I, явление 1) [14].

2. Архетип «Полицейский как бездушный бюрократ». Этот архетип наиболее ярко представлен в гоголевской «Шинели». Полиция изображена как неэффективная бюрократическая машина, создающая искусственные барьеры и абсолютно равнодушная к страданиям «маленького человека» Акакия Акакиевича. Так, после обращения Акакия Акакиевича к высшему чину тот ему отвечает: «Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоит перед вами? Понимаете ли вы это, понимаете ли это? Я вас спрашиваю». (Глава: «Значительное лицо») [15]. Отсылая его от одного чина к другому, система демонстрирует полную неспособность и нежелание решать проблему гражданина. Здесь полиция – не защитник, а часть бездушной государственной машины, усиливающей бесправие и унижение индивида. Этот архетип будет активно воспроизводиться и в XX в., от Зоценко до Солженицына. Этот образ, восходящий к юнговской «Тени» – безликой и подавляющей силе, – демонстрирует полную неспособность системы защитить индивида, усиливая его бесправие.

3. Архетип «Полицейский как каратель и инструмент репрессий». Если первые два архетипа носят преимущественно сатирический характер, то третий имеет трагическое измерение. Он формируется в радикальной публицистике А.Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), где пристав олицетворяет цинизм и бесчеловечность системы крепостного права. «Крестьянин в законе мертв; но только тогда, когда защищаться или отстоять себя хочет. Когда же его гнуть в дугу; когда от него требуют неволю и барщину сверх урочных дней; когда господин его бьет, грабит... тогда закон мертв для него? Нет; тогда он жив для господина. Тогда он на страже его имени, его лютости. Судье подай, исправнику подай, писарю подай, секретарю подай, всякому подай, и дело твое право будет. А нету? Нету – так хоть ты прав, да виноват» [16]. Эта цитата показывает, что крестьянин лишен правовой защиты. В XIX в. А.С. Грибоедов в «Горе от ума» изображает полицию как «карательный аппарат» для изоляции инакомыслящего [17]. Угроза полицейского преследования («в глушь, в Саратов», «съезжий дом») становится реальным инструментом контроля в фамусовском обществе, создавая атмосферу страха и доносительства. Этот образ можно интерпретировать как архетип «Карающей Тени» государства.

Апогея этот архетип достигает в литературе рубежа XIX–XX вв. Л.Н. Толстой в романе «Воскресение» создает «мощнейший обвинительный акт», рисуя полицию как систематически унижающую и обесчеловечивающую силу, «видимый и осязаемый инструмент» государственного зла. «Полицейские, ругаясь и торопясь, стали вводить арестантов в вагоны и запирали двери... Один из арестантов, шедший

сзади, натер себе ногу кандалами... Городовой, шедший сзади, ударил того арестанта, который натер ногу» (Ч. 1, Гл. 38). Насилие рассматривается как норма: «...надзиратели и конвойные... били без разбора по головам и спинам всех, кто попадался под руку...» (Ч. 2, Гл. 37) [18].

М. Горький в романе «Мать» изображает полицию как «первую и главную карательную силу», слепую преграду на пути к справедливости, символ обречения строя. В сцене о разгоне демонстрации демонстрируется беспорядочная жестокость полиции против безоружных: «...толпа дрогнула, отхлынула назад... Встретив сопротивление, полиция... стала бить чем попало и кого попало... Слышались звон разбитых стекол, тяжелые удары по телу, крики, вой...» (Ч. 2, Гл. 25) [19].

А.И. Куприн в рассказе «Гамбринус» показывает полицию как активного участника насилия и погромов: «...во время еврейского погрома... городовые и переодетые городовые... били прикладами... стаскивали с панели... тащили в полицейский участок...» [20].

Таким образом, к началу XX в. в русском массовом сознании благодаря усилиям классиков литературы был прочно триединый архетип полицейского: взяточник-бюрократ-каратель. Этот образ напрямую коррелировал с нашей гипотезой – реальным подчинением полиции интересам государства и элит, а не граждан.

В литературе 1920–30-х годов продолжается высмеивание некомпетентности и бюрократизма милиции. Смена вывески с «полиции» на «милицию» после 1917 г. не привела к кардинальному изменению восприятия института. Литература продолжила фиксировать и конструировать негативные образы, адаптируя старые архетипы к новым условиям. В рассказах М. Зощенко («Баня», «Нервные люди») представляет милиционеров туповатыми, грубыми и неспособными разобраться в элементарных ситуациях бюрократами. Например, в «Нервных людях» милиционер безуспешно пытается утихомирить дерущихся в коммунальной квартире, сам в итоге получает по голове утюгом [21]. Их действия вызывают не страх, а насмешку, что является продолжением линии Гоголя.

И. Ильф и Е. Петров в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» рисуют эпизодические, но узнаваемые образы недалеких и легко обманываемых милиционеров [22].

Архетип карателя в условиях тоталитаризма наиболее страшное воплощение получает в литературе, описывающей репрессии. У В. Шаламова («Вишера») милиция и охрана – это «грубые, пьющие, часто уголовные элементы» [23], неотъемлемая часть карательной машины ГУЛАГа. У А. Ахматовой в поэме «Реквием» милиция/НКВД – это безликая сила, арестовывающая невинных людей («уводили тебя на рассвете...» [24]), символ государственного

террора, вызывающего не доверие, а всепоглощающий ужас и скорбь. М. Булгаков в «Мастере и Маргарите» сатирически, но зловеще изображает милицию как систему, представленную тупыми и жестокими исполнителями. Арест Мастера – типичная операция системы [25]. Образы милиционеров, задерживающих Бегемота и Коровьева, комичны в своей нелепости и неэффективности, но сама структура, которую они представляют, страшна.

Советская власть осознавала силу литературного воздействия и пыталась создать героизированный пропагандистский образ милиционера. Это проявляется в официальной литературе (Н. Островский, Ю. Семенов, братья Вайнеры) и в кинематографе 1960–80-х годов («Место встречи изменить нельзя», «Петровка, 38»). Однако, как справедливо отмечается в источнике, даже культовые образы Жеглова или Славина не смогли переломить сложившийся стереотип. Более того, эти образы часто содержали внутренние противоречия: «палочная система», жесткие методы работы, что лишь подтверждало, а не опровергало системные проблемы.

В постсоветский период, в 1990–2000-е годы, литература и кинематограф (сериалы «Глухарь», «Бандитский Петербург», фильм «Кремень») вернулись к бескомпромиссной критике, обнажив системные пороки: коррупцию, произвол, сращивание с криминалом. Эти произведения подтверждали худшие общественные стереотипы, уходящие корнями в XIX в., демонстрируя преемственность проблем, несмотря на смену политических режимов.

Ключевым элементом нашей гипотезы является воспроизводство данных стереотипов через современную школьную программу. Школьный курс литературы в России является мощным инструментом формирования национальной идентичности и системы ценностей. Значительная часть анализируемых произведений входит в обязательную школьную программу. Школьник, изучая эти тексты, усваивает не только их художественные достоинства, но и заложенные в них социальные смыслы. Полицейский-бюрократ-городничий, полиция-каратель у Толстого и Горького – эти образы, преподносимые как неотъемлемая часть национального канона, воспринимаются как историческая и культурная данность. Критический пафос классики, направленный против государственного произвола, невольно проецируется и на современные правоохранительные институты.

Проблема заключается не в том, что эти произведения следует исключить из программы – они являются шедеврами мировой литературы. Проблема в отсутствии системной работы по их контекстуализации и разрыву автоматической связи «литературный образ – современная реальность». Школа непреднамеренно становится главным каналом трансляции исторически сложившегося негативного

архетипа из поколения в поколение, создавая культурно-психологический барьер для формирования доверия к полиции как институту, призванному защищать граждан.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что низкий уровень доверия молодежи к полиции в современной России является следствием не только текущих институциональных проблем, но и результатом действия глубинных механизмов социальной памяти. Эти механизмы исторически детерминированы и воспроизводятся через культурные нарративы, центральное место среди которых занимает классическая литература, канонизированная в школьной программе.

Историко-социологический анализ выявил устойчивую модель, в которой институт охраны правопорядка на протяжении столетий воспроизводил свою ключевую функцию – защиту государства от общества. Этот опыт, интериоризованный коллективным сознанием, сформировал базовую социальную установку: «Полиция – это не защитник, а представитель репрессивной власти».

Дискурс-анализ литературного канона позволил идентифицировать и проследить генезис трех ключевых негативных архетипов полицейского: взяточника, бюрократа и карателя. Школа, транслируя эти архетипы как неотъемлемую часть национальной культурной традиции без должной критической контекстуализации, становится ключевым агентом их ретрансляции, создавая культурно-психологический барьер для формирования доверия.

В свете полученных данных, преодоление кризиса доверия требует не только институциональных реформ МВД России, но и целенаправленной деконструкции сложившихся социокультурных схем. Перспективными направлениями для дальнейшей работы и выработки практических рекомендаций представляются:

1. Реформа образовательного дискурса, предполагающая интегрирование в школьные курсы литературы и обществознания модулей, направленных на критическое осмысление образов полиции и их отличия от современных реалий, а также регулярные встречи школьников с сотрудниками полиции для формирования прямого диалога и разрушения стереотипов.

2. Развитие программ гражданского образования и правовой грамотности. При взаимодействии образовательных организаций с представителями правоохранительного института и членами общественного совета при территориальных органах МВД России необходимо проводить работу по обучению правовой грамотности молодого поколения; тренинги и деловые игры, моделирующие ситуации обращения за помощью, что снизит уровень страха и непонимания.

3. Повышение открытости и прозрачности полиции. Развитие программ «школьных инспекторов», дней открытых дверей в отделах полиции, организация посещения музеев при территориальных органах МВД России, ведение прозрачных сетей, где сотрудники выступают не как репрессивная сила, а как часть местного сообщества, активное развитие платформ и информирование школьников о таких платформах, как, например, «Неравнодушный человек».

4. Формирование позитивного медийного образа, а именно – содействовать созданию документальных и художественных проектов, показывающих полицию как институт, служащий обществу. Необходимо привлекать сотрудников полиции к участию в публичных дискуссиях, ток-шоу, интервью, где они могут делиться профессиональным опытом.

Таким образом, формирование нового типа социальной памяти, в которой полиция ассоциируется с защитой прав граждан, возможно лишь через комплексную работу на уровне исторического сознания, системы образования и публичной коммуникации.

Литература

1. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2023. 739 с.
2. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М.: РИПОЛ классик, 2016. 608 с.
3. Борисов А.В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII – октябрь 1917 г.): историко-социологическое исследование: монография. М.: Академия управления МВД России, 2010. 112 с.
4. Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 1916. Т. 1. С. 246.
5. Борисов А.В. Советская милиция и проблемы борьбы с преступностью в общественном мнении (1917–1930 гг.): историко-социологическое исследование: монография. М.: Академия управления МВД России, 2013. 100 с.
6. Алидин В.И. Теневая экономика и коррупция в СССР: Историко-социологический анализ. М.: РГГУ, 2011. С. 178–205.

References

1. Jung, K.G. Archetypes and the collective unconscious. Moscow: AST, 2023. 739 p.
2. Borisov, A., Malygin, A., Mulukaev, R. Three centuries of the Russian police. Moscow: RIPOL Classic, 2016. 608 p.
3. Borisov, A.V. Police and militia in public opinion in Russia (early XVIII – October 1917): historical and sociological research: monograph. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 112 p.
4. Turgenev, N.I. Russia and the Russians, Moscow, 1916, V. 1, p. 246.
5. Borisov, A.V. The Soviet militia and the problems of combating crime in public opinion (1917–1930): historical and sociological research: monograph. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2013. 100 p.
6. Alidin, V.I. Shadow economy and corruption in the USSR: A historical and sociological analysis. Moscow: RGGU, 2011. Pp. 178–205.

7. Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: Упущенный шанс СССР. М., 2005.
8. Экономические и социальные перемены: оценки и мнения разных групп населения (июнь 1993 г.) // Мониторинг общественного мнения. 1993. № 4. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/90/22> (дата обращения: 11.09.2025).
9. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000.
10. Яницкий О.Н. Социология кризиса. М., 1999.
11. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.
12. Фонвизин Д.И. Недоросль. М.: Художественная литература, 1984.
13. Фонвизин Д.И. Бригадир. URL: <https://ilibrary.ru/> (дата обращения: 11.11.2025).
14. Гоголь Н.В. Ревизор // Избранное. М.: Книговек, 2019.
15. Гоголь Н.В. Шинель // Избранное. М.: Книговек, 2019.
16. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Наука, 1979.
17. Грибоедов А.С. Горе от ума. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html#text/5/p.1/index.html> (дата обращения: 01.10.2025).
18. Толстой Л.Н. Воскресение // Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1982.
19. Горький М. Мать. Л.: Художественная литература, 1985. 300 с.
20. Куприн А.И. Гамбринус // Собрание сочинений в 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 4. С. 123–145.
21. Зоценко М.М. Нервные люди // Избранное. Л.: Лениздат, 1984.
22. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1994. Т. 1: Двенадцать стульев. 415 с.; Т. 2: Золотой теленок. 390 с.
23. Шаламов В.Т. Вишера: Антироман. М.: Советский писатель, 1989.
24. Ахматова А.А. Реквием // Собрание сочинений в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998.
25. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2018. 480 с.
7. Shubin, A.V. Paradoxes of Perestroika: A missed chance of the USSR. Moscow, 2005.
8. Economic and social changes: assessments and opinions of various population groups (June 1993). *Monitoring of public opinion*. 1993. No. 4. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/90/22> (accessed on: 11.09.2025).
9. Levada, Yu.A. From opinions to understanding: Sociological essays. 1993–2000. Moscow, 2000.
10. Yanitskiy, O.N. The sociological crisis. Moscow, 1999.
11. Luneev, V.V. Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. Moscow, 1997.
12. Fonvizin, D.I. Nedorosl'. Moscow: Fiction, 1984.
13. Fonvizin, D.I. Brigadier. URL: <https://ilibrary.ru/> (accessed on: 11.11.2025).
14. Gogol, N.V. The Inspector. Favorites. Moscow: Knigovvek, 2019.
15. Gogol, N.V. The Overcoat. Favorites. Moscow: Knigovvek, 2019.
16. Radishcheva, A.N. Journey from St. Petersburg to Moscow. Leningrad: Nauka, 1979.
17. Griboyedov, A.S. Woe from wit. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html#text/5/p.1/index.html> (accessed on: 01.10.2025).
18. Tolstoy, L.N. Resurrection. Collected works in 22 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
19. Gorky, M. Mother. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1985. 300 p.
20. Kuprin, A.I. Gambrinus. Collected works in 9 vols. Moscow: Pravda, 1964. V 4. Pp. 123–145.
21. Zoshchenko, M.M. Nervous people. Selected works. Leningrad: Lenizdat, 1984.
22. Ilfa, I., Petrov, E. Collected works in 5 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1994. V 1: Twelve chairs. 415 p.; V 2: The golden calf. 390 p.
23. Shalamov, V.N. Vishera: Anti-Roman. Moscow: Sovetskii pisatel', 1989.
24. Akhmatova, A. Requiem. Collected works in 6 vols. Moscow: Ellis Luck, 1998.
25. Bulgakov, M.A. The Master and Margarita. Moscow: AST, 2018. 480 p.